

Жан
ВИЛАР

«ДЕЛО ОППЕНГЕЙМЕРА»

Самое большое событие нынешнего зимнего театрального сезона в Париже — это только что поставленная пьеса Жана Вилара «Дело Оппенгеймера».

Один из выдающихся театральных деятелей Франции, Жан Вилар выступает в этой своей работе одновременно в трех ролях — главного героя, постановщика пьесы в театре «Атений» и автора текста. В данном случае слово «текст», пожалуй, наиболее подходящее, потому что, как подчеркивает сам Вилар, он ничего не сочинял, а взял опубликованные государственным департаментом США стенограммы «Дела Оппенгеймера» и, строго следуя подлинным документам трехнедельного процесса, лишь ввел их в размеры трехчасового спектакля.

Дело Оппенгеймера относится к весне 1954 года. Крупнейший американский физик, руководивший созданием первых атомных бомб в годы второй мировой войны, усомнился после того, как война окончилась, в целесообразности работы над еще более разрушительными видами оружия, созданием которых США втянули мир в опасную гонку вооружений. Американская охранка — Федеральное бюро расследований — сфабриковала «дело» и передала Оппенгеймера на суд совета безопасности

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Судьи:

Грей — бывший государственный секретарь по делам обороны

Ивенс — профессор химии Католического университета Лойолы

Морган — директор «Сперри джироскоуп компании»

Обвинитель

Робб

Адвокат

Гаррисон

Обвиняемый

Роберт Оппенгеймер — ученый в области ядерной физики

Свидетели

Теллер,

Бете — ученые в области ядерной физики

ДОПРОШИВАЮТ ОППЕНГЕЙМЕРА

РОББ. — Доктор, верно ли, что с 1943 года и до последнего времени вы были самым влиятельным ученым нашей страны в области атомной энергии?

Короткая пауза

ОППЕНГЕЙМЕР. — По-моему, об этом лучше спросить у людей, на которых распространяется это влияние.

РОББ. — Ваше мнение, пожалуйста

ОППЕНГЕЙМЕР. — Среди некоторых — очень влиятельный, среди других

Комиссии по атомной энергии. Задача процесса заключалась в том, чтобы, выбрав своей жертвой такой высокий научный авторитет, человека, придерживающегося умеренных либеральных взглядов, попытаться морально растоптать его, чтобы после этого уж всякому другому было непозадно выражать свои мысли, размышлять над происходящим.

Не только сам Оппенгеймер, но и все остальные действующие лица, их слова — это живые люди, подлинные документы.

Пьеса Вилара поднимает одновременно три большие темы. Во-первых, мстительная беспощадность капиталистического государства даже к тем деятелям науки, которые оказали ему большие услуги, если у них рождаются какие-то сомнения и опасения, присущие всякому честному человеку. Во-вторых, трагическая судьба ученого и его беззащитность в буржуазном обществе. И, наконец, само это общество на примере современной империалистической Америки с ее «охотой за ведьмами», презрением к свободе и личной жизни человека.

Ниже мы публикуем перевод нескольких сцен из «документальной пьесы», как назвал ее сам Вилар, «Дело Оппенгеймера».

вовсе нет. Скажем, я был влиятельным физиком; можете интерпретировать эти слова на свой лад.

РОББ. — Вы были им, так как...

ОППЕНГЕЙМЕР. — ...Лоуренс по многим вопросам был более влиятельным. А некоторые другие физики, члены комитета, располагали большей властью. Но были ли они более влиятельны, я не могу сказать.

РОББ. — Короче, вы были одним из наиболее влиятельных?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Да, да.

РОББ. — Если отбросить скромность, вы признаете, что эта оценка верна, не так ли?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Не лучше ли разграничить? С одной стороны — значение, которое придавалось моим мнениям, с другой — моя личная компетентность. О последней лучше судить другим, а не мне.

РОББ. — Во время войны вы отвечали за программу атомных исследований в Лос-Аламосе, не так ли?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Да.

РОББ. — И с 1943 года до последнего времени вы имели доступ ко всем секретным документам, касающимся атомного оружия, не так ли?

ОППЕНГЕЙМЕР. — За исключением докладов полиции,

РОББ. — Так было все время, пока вы руководили Консультативным Комитетом, не так ли?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Да.

РОББ. — Значит, с 1943 года до последних дней, в течение 11 лет, вы участвовали в разработке всех основных решений, касающихся атомного оружия, не правда ли?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Я в этом не уверен.

РОББ. — Ваш ответ — да или нет?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Чтобы упростить дело — да.

РОББ. — Была ли доктор Джоан Теллок, ваша бывшая невеста, членом коммунистической партии?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Я не думаю, что ее действия диктовались политическими соображениями. Она была женщиной с глубокими религиозными чувствами. Она любила свою страну, народ, его обычаи. Правда, она была связана дружескими узами с коммунистами, с которыми я позднее познакомился.

РОББ. — Сколько раз вы ее видели между 1939-м и 1943 годами?

ОППЕНГЕЙМЕР. — За эти пять лет?

РОББ. — Да.

ОППЕНГЕЙМЕР. — Ну, раз десять, этого вам хватит?

РОББ. — При каких обстоятельствах?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Разумеется, в обществе.

РОББ. — Всегда?

Пауза

ОППЕНГЕЙМЕР. — Я помню, что встречался с ней около Нью-Йорка.

РОББ. — Удалось ли вам выяснить, почему она хотела вас увидеть?

Довольно продолжительная пауза

Я жду вашего ответа, доктор.

ОППЕНГЕЙМЕР. — Потому что она меня еще любила.

РОББ. — И вы встретились с ней?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Да.

РОББ. — Где?

ОППЕНГЕЙМЕР. — У нее дома.

РОББ. — Где это было?

ОППЕНГЕЙМЕР. — На Телеграф Хилл.

РОББ. — А потом вы виделись с ней? ОППЕНГЕЙМЕР. — Она проводила меня в аэропорт, и больше я ее не видел.

РОББ. — Все это происходило во время войны, не так ли?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Да.

РОББ. — В 1943 году?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Да.

РОББ. — Была ли она тогда коммунисткой?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Мы не говорили о таких вещах.

РОББ. — В своем письме в Комиссию вы написали, что раньше она была коммунисткой; были ли у вас основания считать, что в 1943 году она уже вышла из компартии?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Нет.

РОББ. — Простите?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Во всяком случае то, что я думал и думаю сейчас о ее отношениях с коммунистической партией, было бы бездоказательными размышлениями.

РОББ. — Но у вас не было никаких оснований считать, что она уже не была коммунисткой?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Да, никаких.

РОББ. — Вы провели у нее ночь, не так ли?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Да.

РОББ. — И это — будучи руководителем секретного военного проекта?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Да.

РОББ. — Совместимо ли это с нормами безопасности?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Разумеется, да.

РОББ. — Доктор, водородная бомба в десять тысяч раз мощнее той, что была сброшена на Хиросиму, не так ли? Это оружие ужасающей силы?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Да.

РОББ. — В десять тысяч раз мощнее — это не преувеличение, не так ли?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Это допустимая цифра.

РОББ. — Доктор, вы думали об изготовлении этой бомбы начиная с 1942 года?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Мы поговаривали об этом.

РОББ. — Во время войны, не так ли? ОППЕНГЕЙМЕР. — Да.

РОББ. — И тогда вы проявили некоторый интерес к возможности ее изготовления, не так ли?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Мне кажется, было бы точнее сказать, что мы считали, будто ее изготовление не представит трудности. На самом деле это оказалось чрезвычайно сложным.

РОББ. — Итак, работы над водородной бомбой начались в 1942 году?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Мы думали о ней. Только думали.

РОББ. — Входило ее изготовление в одну из ваших первейших задач по прибытию в Лос-Аламос?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Она никогда не была основной частью нашей программы.

РОББ. — А разве вы не подали заявку на патент об изобретении в 1944 году?

Пауза

ОППЕНГЕЙМЕР. — Патент?

РОББ. — Вы забыли о нем?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Вместе с Бете и Теллером? Если да, то дело на этом и закончилось.

РОББ. — Патент был выдан в 1946 году.

ОППЕНГЕЙМЕР. — Да, верно.

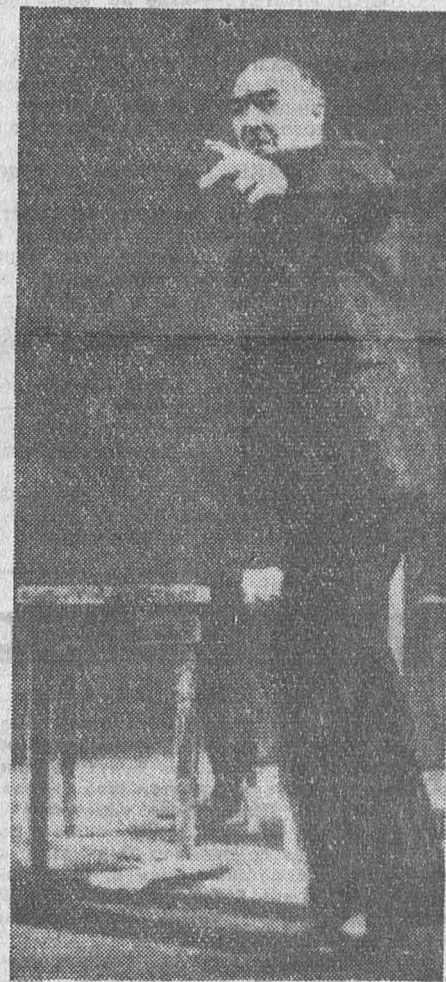
РОББ. — Теперь вы вспомнили?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Да. Но когда мы подавали заявку, я совершенно не помню.

РОББ. — Доктор, между 1944 годом, годом подачи заявки на патент, и 1946 годом, когда он был выдан, вы покинули Лос-Аламос, подали в отставку?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Да.

РОББ. — Почему вы покинули Лос-Аламос? Из-за сомнений морального порядка?

Жан Вилар в роли Оппенгеймера.

ОППЕНГЕЙМЕР. — Нельзя ли не употреблять этих слов — «морального порядка»?

РОББ. — Когда вы усомнились впервые?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Это очень важно?

РОББ. — Мне хотелось бы получить ответ на этот вопрос.

ОППЕНГЕЙМЕР. — Не помню сейчас.

РОББ. — Почему вы уехали из Лос-Аламоса?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Мне хотелось вернуться к преподавательской деятельности.

РОББ. — Почему вы не работали над срочной программой по изготовлению водородной бомбы?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Я присутствовал на совещаниях, где разбирался этот вопрос.

РОББ. — Основные мысли принадлежат вам?

ОППЕНГЕЙМЕР. — Нет, Теллеру.

(Окончание на 4-й стр.)

Январь, 1965, 25, Инвард